

старообрядцев и стремлении определенным образом «сконструировать» собственное прошлое. Включение данного соборного постановления в сборник наиболее авторитетных текстов для федосеевцев – «Отечественные завещания» – позволяет отметить желание книжника дополнить исторический блок сборника и сделать его более доказательным для читателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сперанский М.Н. Рукописные сборники восемнадцатого века. Материалы для истории русской литературы XVIII века. М., 1963.
2. Гурьянова Н.С. Старообрядческие сборники как «Архивы» ценных материалов для ведения полемики // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: История. Филология. 2012. Т. 11, вып. 12: Филология. С. 139–144.
3. Гурьянова Н.С. О приемах построения текста писателями-старообрядцами // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 3. С. 23–28.
4. Ивановский Н.И. Измышленный старообрядческий собор. Разбор раскольнической рукописи // Православный собеседник. Казань, 1882. Ч. 1 (февраль). С. 167–193.
5. Гурьянова Н.С. Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма. Новосибирск, 1988.
6. Козлов В.П. Тайны фальсификации: Анализ подделок исторических источников XVIII–XIX веков. М., 1996.
7. Шашков А.Т. Максим Грек и идеологическая борьба в России во второй половине XVII – начале XIX в. // ТОДРЛ. 1933. Т. 33. С. 80–87.
8. Дружинин В.Г. Поморские палеографы начала XVIII в. // Летопись занятий Археографической комиссии за 1918 г. Пг., 1923. Вып. 31. С. 1–66.
9. Житие Корнилия Выговского Пахомиевской редакции (Тексты) / подг. Д.Н. Брецинский // Древнерусская книжность: по материалам Пушкинского дома : сб. науч. тр. Л., 1985. С. 62–107.
10. Брецинский Д.Н. Житие Корнилия Выговского как литературный памятник и его литературные связи на Выгу // ТОДРЛ. Л., 1979. С. 127–141.
11. Сказание о страдании и скончании священномученика Павла, епископа Коломенского // Белокуров С.А. Сказания о Павле, епископе Коломенском. М., 1905. Вып. 1. С. 13–18.
12. Смирнов П.С. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. Исследование из начальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным. СПб., 1898.
13. Дружинин В.Г. Раскол на Дону в конце XVII века. СПб., 1889.
14. Гурьянова Н.С. История и человек в сочинениях старообрядцев XVIII века. Новосибирск, 1996.
15. Каптерев Н.Ф. Приезд бывшего Константинопольского Патриарха Афанасия Пателара в Москву в 1653 г. // ЧОЛДП. 1889. № 10. С. 358–385.

Статья поступила
в редакцию 01.08.2013

УДК 93/94(571.56)

П.С. ТРОЕВ

ПОБЕГ ССЫЛЬНЫХ НАРОДНИКОВ ИЗ ЯКУТИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

д-р ист. наук,
Северо-Восточный федеральный университет,
г. Якутск
e-mail: petr.troev@mail.ru

В статье анализируется режим надзора, рассматриваются взаимоотношения между ссыльными народниками и коренными жителями края. Автор показывает роль головы Батурусского улуса, якута Е.Д. Николаева в организации и осуществлении дерзкого побега ссыльных из глухого улуса, удачно добравшихся до Франции.

Ключевые слова: царизм, ссылка, Якутская область, «Черный передел», «Народная воля», секретное письмо.

О первом удачном побеге ссыльных народников из Якутии специальных публикаций нет. В настоящее время эта тема вызывает интерес, поскольку касается межнационального сотрудничества народов на далекой окраине России.

В 1861–1895 гг. в Якутской области отбывал ссылку 351 представитель народнического движения. Их этапировали сюда на основании судебных решений или в административном порядке. 14 августа 1881 г. местная администрация получила возможность арестовать всех, кого считала нужным, и

ссылать без суда на срок до пяти лет в любую часть Российской империи.

Ссыльные размещались во всех пяти округах Якутской области. Режим надзора над поселенцами был строгим. Многие считали, что совершить побег из Якутской области невозможно. И это было близко к истине. На местах поселения за организацию надзора за ссыльными перед якутским губернатором отвечали окружные исправники. За поведением ссыльных в городах следили полицейские. Когда ссыльных водворяли в сельскую местность, надзор над ними пору-

чался служащим улусных управ. В связи с этим «государственных преступников» поселяли около улусных управ, а члены улусных управ в конце каждого месяца представляли в адрес окружного полицейского управления донесение об образе жизни и поведении каждого поселенца. Отлучки с места поселения допускались с разрешения окружного полицейского управления.

Ссылным разрешали переписку только с близкими родственниками. Письма перлюстрировались, в случае обнаружения даже упоминания об антиправительственном настроении поднадзорных письма конфисковались и отправлялись в III отделение. Царизм принимал строжайшие меры, чтобы пресечь проникновение в Якутскую область людей, знакомых с западноевропейскими революционными идеями. Власть боялась возможности установления контактов агентств Международного товарищества рабочих с поднадзорными. В связи с этим аппарат политического сыска придавал серьезное значение сообщениям своих агентств из-за границы.

Места поселения отличались гибельными условиями существования для ссылных. Им назначалось пособие в 114 руб. в год, которого едва хватало на покупку предметов первой необходимости. Власти полагали, что бдительный надзор, трудные условия выживания сломают дух сопротивления революционеров. Но их расчеты не оправдались. Невольные жители края сблизилась с представителями коренного населения Якутии. Это немного облегчило их жизнь. Грамотный якутский голова Батурусского улуса Егор Дмитриевич Николаев считал, что «государственные преступники» выделяются своим человеческим достоинством, деловыми и нравственными качествами. Симпатию Николаева завоевали ссылные этого улуса.

Е.Д. Николаев посещал нелегальные сходки ссылных в улусе. Много знал о целях и задачах народнических организаций «Земля и воля», «Черный передел», «Народная воля». Ссылные часто говорили, что царская власть закрыла якутскую Степную думу, не разрешила организовать земство, тем самым ущемила права народов, живущих на окраине.

От ссылных Е.Д. Николаев многому научился. По словам его современника В.В. Никифорова, Егор Дмитриевич «самостоятельно развивался, увлеченный собственной любознательностью. Влияние русских интеллигентных людей помогло Николаеву усвоить взгляды просвещенной среды и понять преимущества цивилизации» [1]. Николаев разделял социалистические убеждения репрессированных революционеров. Он сделал все возможное, чтобы они сохранили свое здоровье, оптимизм, веру в будущее до очередной революционной ситуации.

При исполнении служебных обязанностей ему пришлось познакомиться с Шейве Шехтер. Ее осенью 1884 г. из Карийской каторги перевели в Алтайский наслег Мегинского улуса на поселение. 2 августа 1885 г. за частые самовольные отлучки поселили в I Жехсогонский наслег Батурусского улуса. Вскоре Шехтер вышла замуж за ссылного А. Доллера. Е. Николаев к

этой семье относился заботливо. После родов Ш. Шехтер часто болела. Ей нужна была медицинская помощь. 20 марта 1886 г. улусный голова написал в Якутское окружное полицейское управление, что «Шехтер заболела сильно, чувствует себя весьма плохо и с нею постоянные обмороки и заявляет, что положение ее опасно». Далее Е. Николаев просил полицейское управление оказать немедленную медицинскую помощь, указал, что желательно командировать для обследования больной врача, а не фельдшера¹.

Только после повторной просьбы улусного головы и д. губернатора Ильин разрешил привезти больную в Якутск, где ее положили в больницу. Общение с Шехтер обогатило любознательного якута новыми знаниями. Бывшая слушательница женских врачебных курсов при Медико-хирургической академии начала свою революционную деятельность еще в 1877 г. в Одессе. Она многое могла рассказать о внутренней и внешней политике царизма. Николаев охотно вступал в контакт с «государственными преступниками». В результате обмена мнениями с Шехтер и другими ссылными, в сознании и представлениях Егора Дмитриевича произошли крутые изменения. Ссылному народнику Батурусского улуса Н.А. Виташевскому он признался однажды, что «государственные преступники» «зажигали искру борьбы за лучшее социальное, политическое будущее» [2, с. 29].

Чтобы облегчить материальное положение поднадзорных, Николаев стал помогать ссылным, чем мог. Ссылная М. Костюрина написала об отношении Егора Дмитриевича к ее семье следующее: «Дома был хотя бы “подножный корм”, т. е. ягоды и грибы по холмам около речки Кохары, где мы жили под Чурапчей. Спасибо, якутский князь, староста Николаев дал нам теленка; я стала понемногу поправляться; потом уж у меня были куры, корова, и мы жили сносно. Я была сослана на пять лет...» [3, с. 194].

Среди ссылных Батурусского улуса был П.М. Федоров. Его доставили 24 марта 1883 г. в Якутск, а 27 марта того же года поселили в I Жехсогонский наслег Батурусского улуса. Как видно из статейного списка, Федоров до ареста проживал в Харькове, занимался революционной пропагандой среди рабочих. Его арестовали в 1879 г. и выслали как бродягу в Восточную Сибирь, в Иркутскую губернию, откуда он скрылся, но в феврале 1882 г. Федорова арестовали в Иркутске.

Его дело было рассмотрено 25 января – 7 февраля 1883 г. в Иркутском губернском суде. Суд установил, что Федоров, камышинский мещанин, был машинистом паровоза, проживал по подложным паспортам Н.Д. Федорова и П.М. Лукина. Ему было предъявлено обвинение в принадлежности к революционной партии «Черный передел», в хранении печатных объявлений и воззваний от Исполнительного комитета и рабочих членов партии «Народная воля», призывавших к ниспровержению существующего порядка в государстве.

¹ Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 12. Оп. 15. Д. 146. Л. 146.

тве, в подделке паспортов, а также в оказании помощи в побегах из Иркутского тюремного замка пересыльных арестантов С. Богомолец и Е.Н. Ковальской. Суд по совокупности преступлений приговорил П.М. Федорова к ссылке на поселение в отдаленные места Сибири².

На месте поселения Федоров стал помогать улусному голове в пропаганде развития земледелия и хлебопашества. 10 мая 1884 г. жители I Жехсогонского наслега решили выделить П.М. Федорову 15 дес. земли за р. Таттой. Летом 1883 г. ссыльный посеял 9 пуд. яровых, распахал более десятины земли. Но из-за отсутствия лошади большего сделать не смог. Как видно из письма улусного головы от 9 ноября 1884 г., П.М. Федоров накопил сена около 40 возов.

16 апреля 1888 г. улусный голова сам написал в окружное полицейское управление донос о побеге ссыльных П.М. Федорова и И.Н. Кашинцева из улуса. К этому времени, надо полагать, беглецы были уже далеко за пределами области. Видимо, организаторы этой акции рассчитывали на то, что соседи посещали поселенцев очень редко, и отсутствие их будет обнаружено поздно.

Так и случилось. Якутский губернатор 17 июня того же года получил секретное письмо от столоначальника В. Гуляева. Чиновник, опираясь на донесение ответственного за надзор ссыльных Батурусского улуса полицейского надзирателя Захарова, информировал начальника области, что в апреле 1888 г. начался объезд квартир государственных преступников, поселенных в Намеком, Восточно-Кангаласском, Борогонском иногородних управах. При этих розысках Федоров и его товарищ Кашинцев обнаружены не были³.

Только 25 июня 1888 г. губернатор области распорядился об организации следствия в Батурусском улусе и командировал чиновника особых поручений Андрюкова в улус. Было допрошено несколько человек. Все они показали, что Кашинцев и Федоров отлучались часто с места поселения то в Якутск, то в ближайшие улусы. Было заведено «дело чиновника особых поручений Якутского областного правления Андрюкова по предписанию якутского губернатора от 25 июня о побеге с места причисления Батурусского улуса Якутского округа государственных преступников Петра Федорова и Ивана Кашинцева», начатое 26 июня 1888 г., окончено 16 сентября 1888 г.⁴

И.Н. Кашинцев, дворянин, до прибытия в Якутскую область принадлежал к Южно-Русскому рабочему союзу. Он был осужден Киевским военно-окружным судом. За распространение прокламаций, проживание по фальшивым паспортам и участие в деятельности революционного сообщества он был приговорен к ссылке и каторжным работам в крепостях на 10 лет. Приговор вступил в силу в 1881 г. По предложению товарища министра внутренних дел срок каторжных работ был сокращен до 6 лет 8 мес. По отбы-

тии срока каторжных работ на Карийских промыслах 26 июля 1885 г. Кашинцева назначили на поселение в Якутскую область. 12 марта 1886 г. его доставили в г. Якутск, а затем в Батурусский улус. Поселили в 3-м Жехсогонском наслеге⁵.

Для производства следственных действий о побеге Федорова и Кашинцева, в Батурусский улус из Якутска был командирован чиновник особых поручений М. Андрюков. Он узнал от допрашиваемых лиц, что изба П. Федорова давно сгорела. В связи с этим он во время сельского схода у наслежных жителей попросил построить около пашни новую юрту. Сельский сход уважил просьбу ссыльного. А старую свою юрту Федоров обещал отдать ссыльному Н.А. Виташевскому. По словам старосты I Жехсогонского наслега И.Я. Слепцова, он свое слово сдержал. А сам стал с 1888 г. отлучаться, разъезжая по наслегам. Но о его поведении все говорили, что ничего плохого не было, ссыльный вел себя смирно.

На вопрос, где в последнее время проживали государственные преступники П. Федоров и И. Кашинцев, полицейский надзиратель Батурусской окружной управы Захаров ответил, что во время совершения побега государственные преступники П. Федоров, И. Кашинцев и С.В. Ястремский жили в одной юрте. А их единомышленники, ссыльные Г.В. Белоцветов и В.Ф. Трошанский, жили в 50 км от юрты Федорова⁶. Всем ссыльным помогали якуты. Они возили дрова, лед, выполняли и другие хозяйственные работы за незначительную оплату.

Любопытные сведения сообщил следователю 6 июля 1888 г. староста I Жехсогонского наслега И.Я. Слепцов: «О том, что Федоров отлучился с места жительства и не возвращается долгое время, и неизвестно, где находится, я узнал в половине марта месяца, когда уже в обществе стали говорить об его отлучке, но меры к розысканию никаких не принимал и розысков не делал, думая, что он уехал в город... или причислен в другое место»⁷.

6 июля того же года чиновнику особых поручений письменное донесение написал улусный голова Е. Николаев. Его информация противоречит показаниям полицейского надзирателя Захарова о том, что П. Федоров, И. Кашинцев, С. Ястремский жили вместе. Улусный голова написал следователю, что «Федоров и Кашинцев проживали в отдельных своих квартирах»⁸. Далее Николаев указал, что после побега Кашинцева дома осталось мало вещей. А в квартире Федорова из вещей ничего не было найдено, даже из его книг ни одной не было обнаружено. Как видно из сказанного, беглецам, когда они готовились в дорогу, никто не мог помешать осуществить свой замысел.

Во время следственных действий в улусе произошло трагическое событие. 22 сентября 1888 г. по-

² Там же. Д. 89. Л. 8–9 об.

³ Там же. Оп. 14. Д. 6. Л. 6 об.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Оп. 15. Д. 160. Л. 54–56.

⁶ Там же. Оп. 14. Д. 6. Л. 35.

⁷ Там же. Л. 35 об.

⁸ Там же. Л. 11.

кончил с собой Е.Д. Николаев. Его уход из жизни был крупной потерей для якутов. Это был известный общественный деятель. В 1883 г. Егор Дмитриевич съездил в столицу. Принимал участие в торжествах, связанных с коронацией Александра III. Он перед правительством поставил вопрос о расширении прав самоуправления, улучшении жизни якутов. В родном улусе добился открытия школы, строительства фельдшерского пункта. После трагического случая было заведено уголовное дело о смерти Николаева. Из Якутска командировали в Батурусский улус судебного заседателя П. Атласова. 16 сентября 1888 г. родной брат умершего, писарь улусной управы, Е.Д. Николаев II следователю дал следующее показание: «Брат мой с 30 августа страдал, по словам государственного ссыльного Костецкого и доктора Баранцева, брюшным тифом, вероятно, в припадке этой болезни он кончил свою жизнь самоубийством»⁹.

По требованию якутского окружного полицейского управления от 23 сентября был составлен акт осмотра трупа улусного головы в присутствии судебного заседателя П. Атласова, ссыльного Б. Костецкого, кандидата в головы Н. Слепцова, выборного В. Шестакова. После осмотра трупа присутствующие пришли к заключению, что Николаев страдал тифом и в приступе бреда, «в умоотступлении» лишил себя жизни. Решено было тело предать земле по христианскому обычаю. Акт был подписан всеми присутствующими. Обращает на себя тот факт, что при осмотре трупа не присутствовал врач. Отсутствует его подпись в акте, где указана причина смерти умершего.

Свое мнение врач Баранцев написал 24 сентября, днем позже составления акта комиссией. Оно гласит: «Хотя болезнь у него во время моего посещения прошла, но под влиянием ее развился бред преследования, результатом сего и было по моему крайнему разумению покушение на самоубийство, окончившийся смертью его Николаева, что и удостоверяю»¹⁰. Свою записку врач написал не в улусе, а в Якутске.

Демократические взгляды Егора Дмитриевича не нравились областному правлению. В частности, вице-губернатор Якутской области П. Осташкин в письме к иркутскому губернатору от 25 марта 1889 г. написал о том, что влияние народников на отдельных людей приносит печальные плоды. Опутанный внушениями ссыльных, зарезался осенью прошлого года получивший образование в прогимназии голова Батурусского улуса Якутского округа Николаев, из опасения ответственности за прикрытый им побег из улуса государственных преступников [4, с. 171].

Такое же мнение имели и другие чиновники областного правления. Это наложило определенный отпечаток на ход разбирательства о связях улусного руководителя с ссыльными. Столоначальник канцелярии губернатора написал секретное письмо чиновнику особых поручений М. Андриюкову, указав на необхо-

димость подробно выяснить и расследовать факты сочувствия Николаева ссыльным. Помимо этого, он дал задание представить частную переписку Николаева столоначальнику.

Андриюков старался исполнить задание Гуляева. Он предпринял секретное следствие и пришел к выводу: бывший голова улуса сочувственно относился ко всем государственным преступникам Батурусского улуса. Бежавшие из улуса ссыльные жили недалеко от улусной управы. По словам М. Андриюкова, отсутствовало наблюдение за поднадзорными. В этом была виновата администрация инородной управы. В ходе проверки было установлено, что циркулярное предписание губернатора Якутской области от 25 июня 1888 г. о посещении жилищ государственных преступников и проверке их членами инородной управы и участковым заседателем не было исполнено.

3 июля 1892 г. общее присутствие Якутского областного правления обсудило итоги следственных действий М. Андриюкова в Батурусском улусе. Андриюков объяснил, что опрошенный во время следственных действий Е.Д. Николаев II объяснил следователю, что старший Николаев никакого письма о своем сочувствии к ссыльным не оставял. Далее он сказал, что это выдумка бывшего народовольца В.П. Зубрилова, утверждавшего, что видел копию этого письма. По поводу этого письма ссыльные Ш. Шехтер (в замужестве С. Доллер) и Михалевич медицинскому инспектору говорили, что письмо Николаева – это плод большого воображения В.П. Зубрилова¹¹.

Общее присутствие заключило, что всего важнее то обстоятельство, что при обыске дома зарезавшегося головы Николаева не было найдено никакой частной переписки, оставшейся после его смерти; допустить же то, чтобы Николаев не имел никакой переписки ни с кем – невозможно; отсюда следует предположить, что всю частную переписку, оставшуюся после смерти Николаева, мог скрыть родной его брат, проживавший вместе с ним¹².

19 февраля 1889 г. Андриюков написал донесение на имя губернатора области, где указал, что на вопрос о предсмертном письме старшего Николаева брат его ответил, что «Ну, уже это не Ваше дело – и этого я никому не скажу...»¹³. Областное правление пришло к заключению, что младший Николаев был единомышленником улусного головы. Это послужило основанием для отстранения его от должности писаря улусной управы.

Встревоженные побегом ссыльных народников, власти хотели выяснить причины удачного побега, чтобы не допустить в дальнейшем подобных случаев. Дело о причинах смерти Николаева прекратилось только в 1890 г. К этому времени полиция располагала сведениями, что Федоров и Кашинцев находятся в Париже.

⁹ Там же. Ф. 192 и. Оп. 18. Д. 9. Л. 9.

¹⁰ Там же. Л. 19–19 об.

¹¹ Там же. Оп. 12 и. Д. 318. Л. 1 об.

¹² Там же. Ф. 12 и. Оп. 15. Д. 206. Л. 5 об.

¹³ Там же. Л. 50 об.

После подавления вооруженного сопротивления ссыльных в доме якута Монастырева в г. Якутске в 1889 г. Осташкин захватил библиотеку ссыльных родовольцев. До наших дней сохранились списки конфискованных книг, писем этих поднадзорных (среди книг много посвященных Парижской коммуне, Великой французской революции).

В связи с предстоящим юбилеем Великой французской революции якутские ссыльные написали проект приветственного адреса «Из Якутска от русских ссыльных социалистов-революционеров гражданам Французской Республики»¹⁴. Федоров и Кашиинцев были близко знакомы со многими участниками вооруженного протеста. Видимо, они не случайно избрали местом нелегального своего пребывания Францию.

Ссыльные народники солидаризировались с революционным народом Франции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никифоров В.В. Смерть даровитого инородца: некролог // Восточное обозрение. 1888. 6 нояб.
2. Витаиевский Н.А. Старая и живая якутская ссылка. СПб., 1907.
3. Костюрина М. Молодые годы: [в упомянутое время Николаев был наследным князем, а не головой] // Каторга и ссылка. 1926. №3 (24).
4. Троев П.С. Ссыльные народники и оппозиционное движение в Якутии // Полярная звезда. 1994. № 5.

Статья поступила
в редакцию 30.04.2013

УДК 94(47).084.3

В.И. ШИШКИН

«ГОСУДАРСТВО НАХОДИТСЯ В ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО КРИТИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ, ПОЭТОМУ ПРЕЖДЕ ВСЕГО ЯВЛЯЕТСЯ НЕОБХОДИМЫМ СОЗДАНИЕ ЕГО БОЕВОЙ МОЩИ...»

д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: svi007@rambler.ru

В научный оборот вводится основной документ, содержащий ключевую информацию о том, на каких принципах в конце лета 1918 г. проводился призыв новобранцев в ряды вооруженных сил Временного Сибирского правительства

Ключевые слова: население, армия, призыв, мобилизация, пополнение, добровольцы, унтер-офицеры, офицеры, запасные части.

В конце мая – июне 1918 г. вооруженные силы Временного Сибирского правительства, которое утвердило свою власть на освобожденной от большевиков территории, формировались из добровольцев, казаков, мобилизованных офицеров и военных чиновников. Поскольку в составе Западно-Сибирской армии того времени преобладала первая категория населения, то армия неофициально считалась добровольческой. Такой состав вооруженных сил контрреволюции обусловил их высокие боевые качества. В то же время по мере углубления Гражданской войны и приобретения ею широкомасштабного характера все более обострялась проблема численности армии, увеличения ее рядов.

Для выработки решения по этому вопросу управляющий военным министерством Временного Сибирского правительства и командующий армией А.Н. Гришин-Алмазов 13 июня 1918 г. назначил особую комиссию, составленную из руководящих сотрудников штаба Западно-Сибирского военного округа, которая подготовила для Совета министров Временного Сибирского правительства специальный доклад «О комплектовании армии». 8 июля А.Н. Гришин-Алмазов представил этот доклад в Совет министров, который через

три дня обсудил его и утвердил с незначительными поправками и дополнениями.

Основываясь на сформулированных в докладе предложениях, 31 июля 1918 г. Временное Сибирское правительство издало указ о призыве родившихся в 1898 и 1899 гг. и постановление «Об отмене изъятий, отсрочек, льгот и освобождений при призыве на действительную военную службу», а 6 августа была принята специальная грамота «О призыве молодых людей на военную службу». В результате изложенные в докладе положения начали претворяться в практику военного строительства и сыграли важную роль в превращении бывшей Западно-Сибирской армии в Сибирскую армию, ставшую ударной силой контрреволюции на востоке России.

Между тем доклад «О комплектовании армии» до настоящего времени, по сути дела, не известен исследователям. Содержащиеся в нем положения и рекомендации использовались только двумя историками – Н.С. Ларьковым при написании докторской диссертации и, с ссылкой на рукопись диссертации Н.С. Ларькова, Д.Г. Симоновым в монографии, посвященной «Белой Сибирской армии». Публикация этого документа позволит ликвидировать выявленный пробел и сделает доклад более доступным для исследователей.

¹⁴ Там же. Д. 321. Л. 114.